

✦ В порядке дискуссии

ЗА ГРАНИЦАМИ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОСТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ПРОБЛЕМА ТРАСПЕРСОНАЛЬНОСТИ И ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ ПСИХОСФЕРЫ (Часть 2)

Состоящая из двух частей, статья А.А. Пелипенко посвящена комплексу вопросов, поднятых в статье Ю.М. Резника и связанных с проблемой трансцендирования и трансперсональности. Исходя из собственной концепции психосферы как области сопряжения и медиации между биосистемой и антропосистемой, автор рассматривает глубинные основания потребности человека в трансцендировании и когнитивные режимы соответствующих культурных практик в контексте системной эволюции культуры и глобальных межсистемных связей. Разворачивая свой подход в пространстве системной теории культуры, автор опирается на теоретические выводы квантовой механики, нейрофизиологии и некоторых других предметных наук, умышленно избегая при этом традиционного подхода к проблеме в теологических, мистических, эзотерических, метафизических и философских дискурсах.

Bipartite article by A.A. Pelipenko is devoted to some questions raised by the paper of Yu.M. Reznik and connected with the problem transcendent and transpersonality. The article is based on author's concept of psycho sphere as area of interface and mediation between biosystem and anthroposystem, the author studies the deep foundations of person's need in transcendent and mental modes of appropriate cultural practices in the context of system evolution of culture and global trans-system connections. Basing on theoretical conclusions of quantum mechanics, neurophysiology and some other subject sciences, the author deliberately avoids the traditional approach based on theological, mystical, metaphysical and philosophical discourses.

Ключевые слова: трансперсональность, трансцендирование, психосфера, медиация, когнитивные паттерны, фрактал, дискретность, континуальность, нелокальность.

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru

---

Keywords: *transpersonality, transcendation, psycho sphere, mediation, mental patterns, fractal, discrecity, continuity, non-locality.*

Эпигенетическая стыковка систем в виде вертикального эволюционного перехода предполагает установление связующих мостов, проработку каналов трансляции эволюционного опыта и формирование соответствующих принимающих устройств. Такие принимающие устройства, по мнению Д. Бома, локализованы в некоторых зонах человеческого мозга (см. прим. 1). Впрочем, даже если не апеллировать к голографической модели, то есть основания допустить, что «мостом» здесь выступает весь мозг в целом. (Современные нейрофизиологические представления о нейронных ансамблях и их функциональной диффузии, не говоря уже об опыте трансперсональной психологии в целом согласуются с такой точкой зрения.)

«Значение холономной реальности состоит в том, что она создает то, что Дэвид Бом называет “свернутым” или “скрытым” порядком, который... одновременно является всеобщим порядком. Все содержится во всем и распространено по всей системе. Посредством наших органов чувств... — мы открываем, разворачиваем этот свернутый порядок. ...Во Вселенной существует некий скрытый порядок, который является внепространственным и вневременным в том смысле, что пространство и время находятся в нем в свернутом виде. Сейчас мы можем утверждать, что и мозг также функционирует в холономной сфере» (см. прим. 2).

Надеюсь, мне удалось убедить читателя, что обращение к согласованию современных квантовых и нейрофизиологических теорий не служит обоснованию примитивного панпсихизма натурфилософского толка, а всеобщая эмпатическая связь — не полулитературная метафора. Впрочем, нельзя упускать из виду, что для человеческого сознания, которое само является продуктом разворачивания «скрытого порядка», исходная холономность когерентного мира *эмпирически непостижима*. Однако природа «свернутого порядка» (не обязательно в строго бомовском его понимании), по отношению к разворачивающимся во времени и пространстве феноменологическим модусам как раз и обнаруживается в явлении всеобщей эмпатической связи, когда сознанию приоткрывается имманентность всего всему, взаимоприсутствие всего во всем и тотальная холистичность универсума. В этой формулировке читатель, несомненно, узнает набившие оскомину сентенции в духе бульварной мистики и полурелигиозных-полунаукообразных «откровений», преподносимых обывателю от имени эзотерических учений Востока и различного рода мудрецов в кавычках и даже без них и т.п. Отмежеваться от всего этого парой фраз не удастся. Но, не пускаясь в долгие объяснения, оговорюсь, что формулу «все во всем» в любом случае не следует понимать буквально (см. прим. 3). Речь не идет о какой либо актуальной форме присутствия (представленности) дискретных вещей друг в друге во всей полноте их единичных и конечных эмпирических свойств. Имеется в виду лишь их глубинное сродство на субстанциональном уровне и всеобщая пронизанность неразрывными и всепроникающими интенциональными потоками и излучениями. Потому-то все конечное и единичное, частное и особенное и представляется из этих глубин не более чем пеной на поверхности сущего. Именно так я понимаю идею особой трансцендентной модальности, заявленную в статье Ю.М. Резника.

Как это можно представить? В отличие от обыденно-механистического представления о структуре, где каждый элемент и все они вместе взятые понимают-

ся как нечто дискретное, равное самим себе и локализованное во времени и пространстве, «структурность» когерентного (холономного) порядка устроена принципиально иным образом. Здесь любой условно выделяемый дискретный элемент включен не в одну какую-либо «состоящуюся» структуру, а в бесчисленное множество потенциальных структурных связей, взаимодействий и со-осуществлений.

Квантовая теория описывает механизм нелокальной связи, прибегая к концепциям волнового пакета, S-матрицы (термин В. Гейзенберга), квантовых скачков (редукции волновой ψ -функции), предполагающий возможность мгновенного, точнее, вневременного, перехода квантового объекта из одного состояния в другое (см. прим. 4). В спорах об интерпретации результатов экспериментов выяснилось, что квантовые объекты способны потенциально, т.е. в пределах некоего поля возможностей, одновременно пребывать в разных точках пространства. «Пребывание» в данном случае, выражается в эмпирически наблюдаемой актуализации, сам акт которой может быть вызван или, по меньшей мере, простимулирован активностью наблюдающего (только ли?) сознания. При этом для нелокальных объектов стирается обычная грань между единичностью и множественностью, не говоря уже о целом ряде других парадоксальных с точки зрения механистических представлений, свойств, о которых до сих пор пишут немного даже в специальной литературе (см. прим. 5).

Вместе с тем, утвердившееся в квантовой механике на основе многочисленных экспериментов (см. прим. 6) понятие единого квантового состояния (когда движение этих объектов описывается общей волновой ψ -функцией), позволяет утверждать, что система, состоящая из такого рода объектов, движется и вообще проявляет себя как единое целое. Видимо это и имел в виду Д. Бом, говоря о том, что «... по-видимому, необходимо отказаться от представления, что вселенную можно фактически разбить на отдельные части, и заменить это представлением о всем мире как о едином целом. Только в классическом пределе можно без всяких оговорок правильно пользоваться представлением о вселенной, состоящей из отдельных частей. Повсюду, где *квантовые явления играют существенную роль* (курсив мой. — А.П.), мы найдем, что отдельные «части» вселенной могут существенно изменяться с течением времени, вследствие неизбежных и неразделимых *связей*, существующих между ними. Таким образом, мы приходим к картине вселенной как неделимого, но гибкого и постоянно изменяющегося целого» [1, 171].

Из приведенного высказывания Д. Бома вытекает сакраментальный вопрос: а есть ли во Вселенной такие процессы, в которых квантовые явления *не играют существенной роли*? Можно сколь угодно рассуждать об аберрациях сознания, условности любого рода дискурсов и т.п., но я все же возьму на себя смелость утверждать: нет таких процессов. Принципиально не стану сейчас отвлекаться на обоснование этого суждения: в конце концов, любая теория имеет право на некие аксиоматические утверждения. Холономность — не есть рецессивное свойство, атавизм ранних этапов эволюции, не имеющий никакого отношения к процессам, протекающим в «классическом пределе» и узреть который можно лишь прорвавшись в микромир. Согласно логике эпигенеза, нелокальные связи когерентного порядка воздействуют на сложные структуры, к каковым относится и социокультурная реальность, не в меньшей степени, чем на «простые» квантовые объекты. Иное дело, что эволюционное усложнение систем и образующих их структур неуклонно усиливает темпорально-процессуальную (сукцессивно-каузальную) альтернативу холономности. Имен-

но этой эволюционной тенденции, в конечном счете, обязано своим появлением и само культурное сознание, обретающее саморефлексию в процессе становления невиданного дотоле уровня субъектности и, следовательно, отпадения от состояния холономного единства с универсумом.

Чтобы постичь последовательно утрачиваемую в процессе развития рефлексии и вообще всякого рода дискурсивных когнитивных практик, вовлеченность в нелокальные когерентные связи, культурное сознание оказывается вынуждено пойти против своей имманентной эволюционной тенденции (см. прим. 7) и искусственным образом (естественным уже не получится) ограничив притязания дробящего и отчуждающего аналитического интеллекта, обратиться к внедискурсивным формам опыта. Полученное таким образом *прямое знание*, обретаемое не как «информация», а как содержание опыта переживания включения в когерентные взаимодействия, может стать выходом из методологических тупиков рационалистической науки. Об эффекте прямого знания, впрочем, будет сказано ниже.

Вернемся к вопросу о природе репрезентируемого в психосфере когерентного мира и его, условно говоря, структурности. Условно, потому, что никаких локальных структур, наподобие тех, что мы наблюдаем в эмпирическом мире развернутого порядка, там нет и быть не может. В мире свернутого порядка нет ни структур как таковых, ни даже дискретных и устойчиво локализованных во времени и пространстве составляющих элементов, а есть лишь пакеты возможностей их актуализации (см. прим. 8). Каждая из условных единиц анализа этих пакетов, которой наше дискретно мыслящее сознание приписывает соответственно дискретные и локальные свойства потенциально присутствует, как уже говорилось, не в одном, а в бесчисленном множестве потенциальных структурных образований. Поэтому, рассуждая в нашей привычной системе смысловых координат, можно говорить разве что о парадоксальным образом «отсутствующей структуре» (совпадение с названием работы У. Эко чисто случайное).

Отсутствие в когерентном мире привычной для нас пространственно-временной структурности не означает, что мир этот пребывает в абсолютно гомогенном и недифференцированном состоянии, ибо холономность не есть простая нераздельная однородность. Понимая это Бом отмечает, что «каждое действие начинается из намерения в имплицативном порядке. Воображение — это уже создание формы; оно уже обладает намерением и зародышем всех необходимых последующих воплощений. То есть творение берет начало из *наиболее тонких* (курсив мой. — А.П.) слоев имплицативного порядка, проходит сквозь них до тех пор, пока не воплотиться в эксплицативном порядке» (см. прим. 9).

В связи с тем, что когерентный мир, очевидно, не представляет собой чистую и однородную потенциальность, простая дихотомия *потенциальное — актуальное*, оказывается явно недостаточной для описания взаимоотношений между мирами свернутого и развернутого порядков. Между чистой, абстрактной потенциальностью и актуальным бытием в эмпирическом мире простирается шкала состояний, соответствующих *различным уровням возможности осуществления*. Будь это не так, разворачивание паттернов свернутого порядка в актах актуального бытия было бы абсолютно хаотическим, и ни о каком порядке или эволюции вообще не могло идти речи. Однако эволюционное конфигурирование вполне упорядочено: ни попятных движений (см. прим. 10), ни опережающих скачков через несколько эволюционных ступеней не наблюдается.

Стало быть, если даже допустить, что в атемпоральном когерентном мире имплицитно присутствуют ВСЕ потенциальные возможности эмпирического существования, то в любом случае, их экспликация в нашем пространственно-временном континууме осуществляется в соответствии с неким порядком. И, к тому же, мир потенциальных осуществлений нельзя представлять в виде некоего склада ждущего своего часа заготовок. Каждая из них в собственном смысле рождается и становится актом бытия лишь в момент ее воплощения в нашем мире, но никак не до того: в конкретном мире нет темпоральных длительностей. Но как в таком случае, понимать неоднородность когерентного мира, в какой измерительной плоскости разворачивается шкала потенциальности? Разумеется, ответ может быть лишь гипотетическим.

Когда какая-либо из потенциальных возможностей осуществления воплощается в акте эмпирического существования, то сам этот акт – феномен, явление, или даже просто эмпирически проявленная интенция определенного содержания – оказывает обратное коррелятивное воздействие на когерентный мир, образуя в нем новый пакет потенциальных возможностей, сложным и непрямым образом соответствующий его (акта существования) интенциональным и онтологическим характеристикам. Причем, набор потенциальных возможностей внутри пакета ограничен не чьей-то мистической волей, а спецификой этих самых эмпирически воплощенных онтологических характеристик. Любая данность в нашем мире способна жить и изменяться во времени в амплитуде возможностей, предопределенной имманентными характеристиками самой этой данности. В этом смысле, любой акт бытия, продлевающий свое существование во времени, «вызывает» из мира имплицитного порядка свои иновременные, следовательно, измененные, состояния.

В таком понимании, идея корреляции между интенционально-онтологическими структурами нашего мира и их предсуществующими потенциальными возможностями в мире имплицитного порядка может вызвать в воображении образ замкнутого круга. Однако, ни о какой статике, чреватой креационистскими в духе Августина выводами, здесь речи не идет. Можно говорить, по крайней мере, о двух видах изменений. Первый – экспликация актов существования, укладываемая по своим параметрам в базовые характеристики структуры. Это само становление формы: для живых организмов – онтогенез, для культурного сознания – инкультурация, а также набор потенциальных «заготовок» для изменений, связанных с существованием в физической среде (для человеческого сознания также и среде культурно-смысловой). Здесь если и можно говорить о развитии, то лишь как о неких флуктуациях «рутинных», повторяющихся во времени актов бытия. Причем, чтобы рутинность эта не давала сбоя, в сложных структурах появляются специальные «контроллеры», вроде спирали ДНК, через «прямую» связь с когерентным миром не только транслирующие эпигенетический опыт, но и контролирующие процесс онтогенеза.

Впрочем, и статическая, вернее, рутинно-флуктуационная картина отчасти верна. Рутинные повторения и флуктуации составляют подавляющее в количественном отношении большинство экспликативных осуществлений от вращения планет и инстинктивного поведения живых организмов до традиционализма в культуре.

Но есть и другой тип изменений. Интенциональные «обращения» к некоему сектору потенциальных осуществлений, соответствующих более «продвинутому» характеристикам, можно понимать как движение на пути *эволюционного* развития. Но выйти за пределы предустановленного своей собственной бытийственной онтоло-

гией пакета потенциальных осуществлений не возможно в принципе. Поэтому для всякой структурной конфигурации в нашем мире ее коррелят в когерентном мире — это своего рода ограниченная бесконечность.

Из этой модели взаимоотношений миров становится понятен и феномен эволюционного типологизма: ведь любого рода направленные изменения в имплицативном пакете, вроде появления различного «подпакетов», рано или поздно упрутся в границы конфигурации, и тогда, отзываясь на интенциональный призыв из нашего мира, в мире имплицативного порядка рождается новый пакет возможностей.

Прибегая в разговоре о мире имплицативного порядка к таким словам как «новый», «прежний» и т.п., я не забываю о том, что эти слова, как и многие другие, неприменимы к миру, где отсутствует пространственно-временное измерение. Речь здесь идет всего лишь о проекциях реалий когерентного мира в наше сознание, выраженных доступными для нас языковыми средствами. Никаких новых в привычном для нас смысле пакетов, разумеется, не возникает. Но то, что в нашем мире выглядит как градация временной последовательности, в мире свернутого порядка предстает градацией той самой шкалы потенциальности. Чем сильнее интенциональный призыв из нашего мира, тем сильнее выражена потенциальность воплощения призывающей структуры в какой-либо ее модификации. Причем инерционный «запрос» на неизменное воспроизведение всегда выступает доминирующим фоном, сквозь который сравнительно слабо пробивается «голос», взыскующий структурных изменений.

Но, повторю, содержание изменений диктуется интенционально-онтологическим статусом «призывающего», и все что выходит за его пределы — всего лишь обмен слабыми импульсами между когерентным и каузальным мирами. Говоря гегелевским языком, не все *сущее* в когерентном мире является *действительным*. Потому и произвол человеческого мышления не способен вызвать к жизни плоды своих произвольных фантазий. *Действительное* намерение, даже будучи «адресовано» слабостью потенциальности когерентного мира (в формулировке Бома, тонким слоем имплицативного порядка), способно в той или форме эксплицировать соответствующий акт существования. Но произвольные фантазии адресуются к тому спектру «сущего» в имплицативном порядке, вероятность экспликации которого в эмпирическом мире ничтожна до неразличимости.

Микромир — область, где сопряжение когерентного и каузального миров обнаруживает себя наиболее очевидным для человеческого восприятия образом, хотя очевидность эта, разумеется, весьма далека от очевидности обычного физического мира. А то, что события микромира оказываются зависимы от сознания (только ли сознания?) наблюдателя (участника эксперимента), свидетельствует о том, что любого рода феномены, связанные с означенным сопряжением, данные нам в опыте — суть явления психосферы. Представления о едином квантовом состоянии как форме нелокальной связи, при всех своих сложностях и парадоксах, являются научно фундированными. Но когда, отталкиваясь от идеи единого квантового состояния, представления о нелокальных связях, переносятся на другие системные уровни реальности, они, будучи лишены доказательной базы, неизменно теряют в весе, зачатую превращаясь в произвольные и необязательные рассуждения.

В этой связи возникает вопрос: не растворится ли всеобщая эмпатическая связь в прогрессии отпадений? Не «загоняет» ли вектор усложнения и автономизации форм «реликтовую» холономность сущего на квантовый уровень, разрушая ее на уровнях

более высоких? Ответ, опять же чисто постулативный, – нет. Бесчисленное количество косвенных данных (см. прим. 11) указывает на то, что холономность – фундаментальный и неустранимый ни при каких эволюционных обстоятельствах модус всего сущего. И фактор холономности диалектически оппонирует фактору автономизации и онтологического взаимообособления форм, структур и систем.

Можно предложить модель, согласно которой холономная связь «транслируется наверх», пронизывая структурные уровни сущего, обеспечивая присутствие когерентного мира во всех срезах бытия. Проводником же этой трансляции выступают интенциональные потоки, импульсы, волны, которые в виде ритмических регуляций служат незримой «несущей конструкцией» любого рода онтологий. И если согласно квантовым представлениям, вещество, как уже отмечалось, предстает сгустком поля, фокусом интенциональных потоков, то всякая онтологическая данность обратным образом выступает не только фокусом, но и *источником* всепроникающих интенциональных излучений и импульсов. Эти интенциональные излучения и ритмически организованные импульсы есть своего рода «распыленная» онтология, нелокальная «эманация», посредством которой относительно автономный «сгусток» распространяет свое бытие вовне своей о-пределенности. В этом смысле, самость как таковая, в той или иной степени присущая всякой онтологической данности, обуславливается возможностью сгустков поля всякий раз на определенный лад изменять сфокусированные в нем интенциональные частоты и ритмы и затем испускать эти измененные волны вовне.

Феноменологические же проявления этих бесчисленных протянутых вовне интенциональных нитей и ритмических резонанций актуализуются лишь там, где они «вызываются» и вводятся в присутствие релевантными импульсами и интенциональными «призывами» из нашего «простого» физического мира. Таким образом, любая форма (структура, система) независимо от уровня сложности, пребывает в двух модусах: условно говоря, концентрированном (онтологически о-пределенном) и «распыленном».

Другое дело, что сложные структуры несут в себе эпигенетические наслоения всех эволюционных уровней, снимая их в себе, прежде всего, посредством интенционально-ритмической согласованности и «упаковки» более сложных образований в пространственно-временные кластеры образований более простые по соотношению новообразуемых и материнских систем). И такая упакованность – тоже форма удержания всеобщей эмпатической связи. И хотя жизненные режимы нижних структурных этажей неизменно жестко детерминируют верхние, голоса их, посылающие свои запросы в когерентный мир, плохо различаются «сверху». Так, человеческому сознанию свойственно забывать о своей биологической основе и ее собственных отношениях с когерентным миром. А об уровнях добиологических – и подавно.

Тем не менее, сложные структуры (системы) на то и сложные, что способны улавливать проявления нижних эволюционных уровней, а в случае с культурой – отчасти их корректировать. Нетрудно заключить, что степень согласованности онтологических уровней обратно пропорциональна степени сложности и, соответственно, автономизации системы. Вернее, сложность системы повышает вероятность такого рассогласования. В ином случае, холономный модус бытия не был бы для культурного сознания столь протейстичным. Причем, для более простых и наименее рефлексивных исторических форм сознания модус этот все еще выступает априорной и безусловной данностью.

В ходе анализа природы когерентного мира возникает необходимость, помимо общепринятого понимания термина *фрактал* ввести еще одно его толкование, вынужденно заменяющее отсутствующий более адекватный термин. Речь идет об *условно выделяемом локусе (фрагменте, участке) когерентных связей, с которым ситуационно взаимодействует культурное сознание*. Фрактал в этом понимании означает не какую-либо эмпирически данную структуру, гомоморфную структурам иных уровней, а образ выделенного в континууме когерентных связей «куска», голографического сколка нелокальной когерентной целостности, репрезентирующего структурную «морфологию» когерентного мира, «пропущенную» через психосферу и обретшую в ней смысловую модальность.

Иными словами, фрактал понимается как *пространственная единица внутреннего деления мира нелокальных когерентных связей, преобразованных психосферой в эмпирически воспринимаемые человеком данности*. Тотчас же возникает вопрос: как можно говорить о пространственных единицах когерентного мира, если он по самой природе своей нелокален? Ведь специфика репрезентированного в психосфере когерентного мира в том и состоит, что в ней нет привычных субординаций части и целого (хотя, разумеется, не только в этом). В каком же смысле здесь можно говорить о пространственности? Лишь в том, в каком любая наглядная модель является условным «переводом» непредставимого в представимое.

Фрактал – это условно-пространственная фигура-выгородка, очертания которой определяются тем, насколько простирается мир человеческих мыслеформ при погружении его психики в прямое общение с когерентным миром. Фрактал не имеет в когерентном мире *объективных и однозначно установленных границ*, принципиально невозможных в континууме нелокальных связей. Эти границы всегда устанавливаются ситуационно и субъективно *самим режимом психической медиации*. Фрактал – не объект. Это *психика/сознание, осуществляющие медиацию здесь, теперь и так*, взятые в модусе их присутствия в когерентном мире или, проще говоря, само установление медиации, увиденное «изнутри» когерентного мира.

Схематически фрактал можно представить в виде сложной стереометрической фигуры – фрагмента пространства, сотканного из бесчисленного числа когерентных связей, которые словно паутинки, соединяют потенциальные акты со-осуществления. Нити этих связей «объективно» не знают границ и протягиваются в бесконечность свернутого континуума, пронизывая его интенционально-энергийными потоками. Поэтому и границы фрактала – не внеположенные сознанию рамки какой-либо онтологической данности. Это ситуационные пределы возможностей самого сознания (включая и его психическую основу), «входящего» в тот или иной фрактал. Фрактал же, что чрезвычайно важно, выступает здесь не как нечто внешнее по отношению к сознанию, а как его (сознания) собственный модус. Это следует понимать в том смысле, что содержание полученного во фрактале опыта сознание получает не из некоего отчужденного пространства *terra incognita*, а как бы из самого себя, по каналу нелокальной голографической связи. Фрактал и погруженное в него сознание являют не какой-либо вид субъект-объектного взаимодействия, а хоლოномную слитность. Т.е. голографический принцип снимает дихотомии единого и раздельного, тождественного и нетождественного, локального и универсального.

Можно сказать, что в акте погружения во фрактал сознание возвращается в состояние холономной слитности с универсумом, но полученный в результате пребы-

вания в этом состоянии опыт ограничен локальной онтологией самого сознания. Онтология эта соотносима, в целом, со структурно-функциональными характеристиками ментальности (когнитивные режимы), а также с самим содержанием культурного опыта: семантико-семиотическим тезаурусом и смысловыми комплексами. Конечная, локальная природа последних и выстраивает ситуационные границы фрактала, ограничивая возможность восприятия и осмысления потенциальных содержаний свернутого порядка.

Таким образом, границы фрактала проходят там, где их спонтанно проводит человеческая ментальность; внутри оказывается то, что человек способен охватить мыслью или переживанием. Человек никогда не способен охватить пережить и осмыслить во всю полноту когерентных связей, поскольку мозг — не только чувствительное, но и система фильтров. Первый — естественные психофизиологические пределы восприятия, которые, как показывают современные исследования, оказываются существенно шире, чем те, что задаются сенсорными режимами ЦНС. Второй фильтр — ментальный. Человек воспринимает реальность лишь в заданных культурой модусах и кодах. Отклонения и точечные прорывы возможны, но в сравнительно небольшом диапазоне, т.е. в общем случае — в режиме флуктуаций.

Мутации — суть выпадения из предустановленных означенными фильтрами границ — частные случаи. Мутации, вызванные к бытию интенциональным импульсом из мира свернутого порядка — есть уже не игра случая, а фактор вертикального эволюционного движения, взламывающего в подходящий момент «сошедшие с дистанции» вертикальной эволюции конфигурации. Такие мутации обычно призываются к осуществлению в эмпирическом мире посредством аккумуляции и направленной (но, совершенно необязательно, сознательной!) фокусировки интенционально-энергетических волн, направленных в когерентный мир. Но если, с немалой долей условности, допустить, что и к потенциальному бытию в когерентном мире применима дефиниция сущего и действительного, то становится понятно, почему далеко не всякий интенциональный запрос из эмпирического мира способен вызвать из мира когерентного соответствующий акт существования. Во-первых, далеко не всякому интенциональному импульсу в эмпирическом мире соответствует когерентный эквивалент. Причем количество таких «ложных» импульсов лавинообразно возрастает по мере усложнения психической организации автономизирующихся и наращивающих свою субъектность структур и систем.

В этом смысле культура являет поистине революционный отрыв от биосистемы, не позволяющей себе распылять витальную энергию на «неадекватную» интенциональность и не знающую феномена произвола мышления. Во-вторых, для вызова того или иного акта осуществления может просто не хватить интенциональной энергии. И, в-третьих, что самое главное, интенциональный запрос может адресоваться либо потенциальным актам, условно относимым к области *сущего*, в его, не будем забывать, потенциальном понимании, либо к области *действительного*, в гегелевском понимании этих категорий.

Итак, из всей полноты когерентных связей, человеческая ментальность способна воспринять лишь некоторый спектр. Я говорю здесь о человеческой ментальности, а не о человеке в целом, не случайно. Иные системные уровни человеческого существа: психофизиологический, биохимический и т.д. до уровня его неорганических основ, имеют свои собственные настройки и режимы диалога с когерентным ми-

ром. И то, что ментальность, не говоря уже о собственно сознании, находится, в силу уровня своей локальной самости и субъектности, в состоянии выраженной, хотя, разумеется, и неполной рассогласованности с этими режимами, составляет одну из ключевых эволюционных интриг культурогенеза.

Но и этот спектр дается человеку в той или иной своей модальности. Вернее ментальный импульс актуализует в когерентном мире лишь тот спектр связей, который может быть осмыслен в системе культурных кодов. Здесь явно напрашивается аналогия с квантовой механикой, где сознание воздействует на онтологию и поведение квантовых объектов. Но это не более чем частный пример, примечательный разве что тем, что здесь явление схвачено на территории экспериментальной науки и потому не может быть попросту игнорируемо, как игнорируется необозримое море смыслов и практик, наблюдаемое во всех без исключения «донаучных» традициях.

Почему фрактал схематично представляется в виде сложной многоугольной фигуры, а не, скажем, в виде традиционного для схематической образности шарика? Потому, что онтология входящей во фрактал ментальности, самим фактом такого вхождения образующая его границы, имеет всякий раз особую и ситуационно неповторимую даже для одного и того же субъекта конфигурацию. Основу конфигурации определяет «филогенез» вышеописанных фильтров, определяющий общие режимы «когерентной сенсетивности». А ретушь, корректировка этих режимов, т.е. детали условно-геометрического образа фрактала, осуществляются на основе ситуационного состояния ментальности. Иными словами, притом, что общий порог когерентной сенсетивности и, тем более, набор культурных кодов и семантический тезаурус, остаются в целом константными, психофизиологические режимы вхождения в когерентный мир могут некоторым образом различаться даже у одного и того же субъекта, не говоря уже о группе. Вот почему схематический образ фрактала — это всегда сложная фигура с относительно подвижными и эластичными, но прочными и непреодолимыми границами.

Пребывая во фрактале, человеческая ментальность способна:

- принимать и интерпретировать в культурных кодах определенный спектр сигналов когерентных со-осуществлений,
- оказывать воздействие на эти со-осуществления.

Здесь по ходу возникает вопрос, насколько эти два пункта следует понимать как нечто разное? Ведь разве на знаменитый эйнштейновский вопрос о том, меняется ли Вселенная, оттого что на нее смотрит мышь, не дан положительный ответ? Разве, познавая мир, мы тем самым его не изменяем?

Дефиниция здесь может быть проведена по принципу различия изменений, вызванных автоматически, спонтанно и бессознательно или же вызванных целенаправленным волевым вмешательством в рутинную «правильность» самовоспроизводства структур и отношений в диалоге когерентного и каузального миров. Качественная разница здесь в том, что во втором случае возможен выход за пределы естественных флуктуаций. Степень познавательной активности культурного сознания в рамках общей созерцательной позиции показывает градацию паллиативных состояний между крайностями означенной дефиниции. Очевидно, нет необходимости пояснять, что история Культуры как история автономизации и наращивания человеком и самой Культурой своей субъектности, есть история усиления волевого и затем, волюнтаристского начала. Негативная реакция на это усиление вкупе с полу-

интуитивным постижением «менструальных» интенциональных импульсов, доносящихся из когерентного мира, породила в самых различных культурах мощную тенденцию к реконструкции холономного состояния. И если, к примеру, даосизм разрабатывал конкретные психотехники слияния с естественным (т.е. закономерно-действительным) ходом вещей, то Гегелю только и осталось, что печально констатировать, что «дурная воля волит против всеобщности воли».

Входя во фрактал, энергия мысли, облаченная в смысловую форму, «вклинивается» в рисунок интерференционных узлов когерентной интенциональности, присоединяется к танцу волн и энергий и, усиливая или ослабляя те или иные из них, способствует осуществлению какого-либо из потенциальных актов бытия. В подавляющем большинстве случаев такое «подталкивание» происходит бессознательно и незаметно для человека. Но пробуждение сознания и воли вводит медиацию с когерентным миром в поле культурного осмысления, и обстоятельства медиации вместе с ее практическими результатами становятся частью культуры.

Психические режимы вхождения во фрактал самым непосредственным образом связаны с фактором межполушарной функциональной асимметрией (МФА). Именно «архаическая» правополушарная когнитивность с ее атемпоральностью, «гештальтным» синкретизмом, кучностью, размытостью и дорефлективной и дознаковой энергийной концентрированностью вводит человека в психосферу и раскрывает для него доступные границы фрактала потенциально постижимых когерентных связей и отношений. Первичная перцепция и переживание полученного во фрактале опыта также протекает преимущественно по каналам правого полушария. Левая же гемисфера активно включается лишь тогда, когда ее когнитивные паттерны в тесном и сложном взаимодействии в правополушарными (а не сами по себе!) начинают переводить неизреченные переживания в кодовые формы культуры. Причем, если *образная визуализация* исходных переживаний может осуществляться в спонтанно-бессознательном режиме с преобладанием правополушарных когнитивных паттернов, то их вербализация уже попадает в ведение левой гемисферы. С ней же связана и любая рационализация полученного в акте медиации опыта в дискретно-линейной и каузальной системе смысловых координат.

Для животного психическая погруженность во фрактал, границы которого в этом случае, определяются исключительно видовым кодом, регулирующим психические процессы, — естественное состояние. Но «преимущества» почти тотальной погруженности в когерентность не работают как инструмент воздействия на эмпирическую реальность в силу жесткой инстинктивной запрограммированности животной психики. И только пробуждение левополушарной когнитивности способно вызвать к жизни феномен *воли* — «испорченного инстинкта» со сбитой настройкой, подпитываемого экзистенциально отчужденной самостью. Но чем сильнее и рациональнее становится воля, тем труднее человеку дается вход во фрактал, ибо вход этот осуществляется за счет доминирования правополушарных психических функций и требует именно их тонкой настройки.

Здесь культурное сознание оказывается в ловушке. Чем цельнее сознание, чем более оно тяготеет к правополушарному доминированию, и чем меньше оно, соответственно, «испорчено» линейно дискретными дискурсами, чем скромнее его семантико-семиотическое оснащение, тем легче оно входит во фрактал и тем выше его потенциальные возможности воздействия на конкретные связи и отношения к

когерентном мире. Но, чтобы это воздействие было осмысленным, целенаправленным и семантически содержательным, оно должно быть так или иначе рационализировано левой гемисферой. А сама эта рационализация, в свою очередь, изменяя структуры ментальности, перекрывает правополушарные каналы вхождения во фрактал и в психосферы в целом. Постоянно пребывающая во фрактале животная психика почти не ограничена в своих *потенциальных* воздействиях на когерентные со-осуществления в границах этого фрактала. Но животное в силу отсутствия у него сознания об этих возможностях «не знает», да и потребности, выходящие за пределы инстинктивного или условно-рефлекторного поведения, у животных не возникают. Потому их «магические» возможности остаются спящими, не востребованными, неразвитыми.

Хитрость здесь в том, что чем выше целостность сознания и слабее активность левого полушария, тем легче происходит погружение во фрактал. Но, чем легче вход во фрактал, тем уже его границы и ниже возможности воздействия на реальность свернутого порядка. Ибо, если легкость вхождения во фрактал оказываются напрямую обусловлена «девственным» доминированием правополушарной когнитивности, то границы его (фрактала), т.е. область помышляемых и образно или понятийно кодируемых связей, зависит от дискурсивно-семиотических возможностей левой гемисферы. То есть без ее участия опыт, полученный во фрактале, оказывается недоступен для культурного сознания.

В том, что касается дешифровки, интерпретации полученного во фрактале опыта и диапазона осуществимости целенаправленных практик воздействия на предсуществующие в нем взаимозависимости, семантико-семиотическое оснащение культурного сознания играет двойственную роль. С одной стороны, без его участия пронизывающие фрактал психические энергии никоим образом не могут преобразоваться (конвертироваться) в нечто имеющее отношение к сфере культуры: смысловые конструкции и практики. Но, с другой стороны, тот же семантико-семиотический тезаурус, по сути своей неразрывно связанный с левополушарными сукцессивно-каузальными когнитивными паттернами и процессами, устанавливает границы разворачивания фрактала, замыкая потенциал нелокальных связей на конкретных единичных семантико-семиотических величинах. Иначе говоря, любое *нечто*, ментально положенное, как определенная и о-смысленная данность, уже есть потенциальное препятствие на пути погружения психики в нелокальную связь.

Так, в полном соответствии с принципом самоограничения, человеческая психика, погружаясь во фрактал и совершая тем самым экзистенциально необходимый акт медиации, суживает потенциальную возможность таковой до границ, очерченных семантическими полями своей конкретно-исторической культурной системы. Из бесконечно многомерного пространства когерентных связей во фрактале, человек «видит» лишь кружево сложно переплетенных в пространстве паутинок, связывающих потенциально возможные варианты осуществления тех или иных событий. И способность их видеть и как-то на них воздействовать обусловлена тем, что в культурном сознании существуют семантические эквиваленты и коды, с помощью которых сознание поименовывает эти паутинки и как-то в них ориентируется. Но эти же коды — суть узелки, психические якоря, внешние корреляты ступков приторможенных энергий и возбужденных волновых колебаний, связывают психику (не говоря уже о сознании), понуждая перемещаться во фрактале по строго определенным траекториям — коридорам, исторически положенными освещенным семиозисом культуры.

С наибольшей наглядностью процесс вхождения во фрактал можно пояснить на примере *магии* — генерализующего ядра культурных практик, связанных с целенаправленной медиацией между мирами и присущей всем без исключения обществам. До тех пор, пока состояние входящей во фрактал ментальности достаточно цельно и в общем подчинено принципу правополушарного доминирования, воля к воздействию на реальность проявляет себя достаточно скромно: так, архаическая магия никогда не позволяет себе чего-либо большего, чем простое *соучастие* в природе. По-видимому, золотая середина между потенциальными магическими возможностями (правополушарная когнитивность) и знаниями об этих возможностях, введенными в поле рационализованных устремлений, волевых актов и целеполаганий (левополушарная когнитивность) была достигнута в эпоху верхнего палеолита и неолита. Затем, лавинообразное наращивание левополушарной дискурсивности вкупе с ростом человеческой субъектности, сместило равновесие, и возможности магического воздействия на реальность стали резко сокращаться. Современным «маг», в отличие от первобытного колдуна или шамана, обладает огромными знаниями о мире, буйной фантазией, огромными амбициями и ничем не ограниченным эгоцентрическим волением. Он прекрасно вербализует и рационалистически интерпретирует то немногое, что приоткрывается ему в когерентном мире.

Но именно эти качества и делают волюнтаристское сознание совершенно бесильным в плане практического воздействия на когерентные зависимости, тогда как архаический шаман, действуя в узком диапазоне почти природных практик и прибегая к минимальной знаковой опосредованности, достигает максимальной эффективности своих магических действий. Вот почему, в частности, именно европейская магическая традиция с ее безудержным волюнтаризмом и навязчивой идеей достижения власти над миром (не меньше!) в практическом плане оказывается самой слабой, тогда как магия Востока, не порывающая до конца с архаическим принципом сопричастности с естественным порядком вещей, сохраняет и в наше время значительно большую эффективность.

Историческая траектория вырождения магических практик выступает наиболее явным показателем одной из ключевых линий культурогенеза: движения в сторону левополушарного доминирования, хотя движение это было, разумеется, не прямым и не линейным и, что самое главное, предельное левополушарное доминирование не есть историческое завершение культурогенеза.

Характерно, что онтогенез ментальности отдельно взятого индивидуума совпадает в целом с филогенией культуры. Здесь периодом наиболее легких и глубоких вхождений во фрактал психосферы был нижний палеолит, а на уровне онтогенетическом — это раннее детство. До 3-4 лет дети сохраняют способность видеть «параллельную реальность» и, благодаря правополушарному доминированию, удерживать глубокую экзистенциальную связь с когерентным миром.

Затем, однако, инкультурация, прежде всего посредством жесткого привнесения в ментальность ребенка языковых конвенций и структур с их дискретной линейностью и, в целом, втягивания психики в режим смешанно-синтетического гемисферного функционирования, перекрывает каналы вхождения во фрактал, оставляя лишь сравнительно узкие лазейки. Однако и их оказывается достаточно, чтобы создать универсальную для всех культур потребность в постижении трансцендентного. В тех случаях, когда механизм перекрытия каналов дает сбой, рождаются ве-

ликие визионеры, провидцы, вероучители, мистики. Впрочем, с недостаточностью перекрытия каналов вхождения во фрактал связан феномен гениальности как таковой, независимо от форм его воплощения.

Что же касается детей, то у многих древних народов они считались колдунами, и общение с ними подлежало особой регламентации. А способность детей к «паранормальному» восприятию нашла отражение в широком пласте фольклора самых разных народов. Показательно и то, что даже в тех случаях, когда дети каким-то образом оформляют свой «визионерский» опыт в словах, взрослые, как правило, их не слушают и не слышат. Культура блокирует понимание этого опыта, боясь попятного движения и не желая отпускать взрослое сознание – свою рабочую единицу – в состояние опасно близкое к докультурному. Даже память об этом состоянии культура стремится отсечь и подавить. И только у современных первобытных народов сохранились мифы о Dream time (см. прим. 12) – эпохе первопредков, когда люди были наделены совершенно иными способностями восприятия реальности, соответствующими по своим характеристикам режиму погружения психики во фрактал и считывания нелокальных когерентных связей (см. прим. 13). Вероятно, такой тип когнитивности был присущ ранним сапиенсам в эпоху, предшествующую верхнему палеолиту и в еще большей степени – предкам человека иных биологических видов в среднем и нижнем палеолите.

В этом смысле говорить, что «был период, когда возможности мозга благодаря биологическим изменениям существенно возросли и соответственно возрос генетический потенциал. Это было примерно 500 000 лет тому назад. С тех пор врожденный разум изменился – если вообще изменился – только незначительно. С тех пор человеческий прогресс зависит от приобретенных способностей, которые предаются далее посредством традиции и обучения» [3, 8] – есть чистейший вздор и грубейшая модернизация в духе идеологизированного новоевропейского псевдогуманизма.

Не следует, однако думать, что, подавив и в целом заблокировав прямые формы медиации человеческой ментальности с миром нелокальных когерентных связей, культура превратилась в царство безраздельного господства каузальной пропозициональности. Голографический принцип «все во всем» или «все есть все» сохраняется как универсальная основа мифологической когнитивности – способа мышления семантическими рядами и «кучными», правополушарными в своей психической основе, смысловыми комплексами. И этот тип мышления не только безальтернативен на протяжении всей мифоритульной эпохи, но и, будучи впоследствии трансформирован и оттеснен с доминирующих позиций, во многом сохранил свое фундаментальное значение. Это лишний раз доказывает, что:

– устремленность к медиации между когерентным и каузальным мирами посредством вхождения во фрактал психосферы присуща человеку как культурному существу априорно и универсально;

– вхождение в состояние медиации может осуществляться либо в формах, легитимированных культурой, т.е. через посредство ее традиций и дискурсов, либо в обход них: стихийно, спонтанно, не традиционно. В первом случае можно говорить о различных формах традиционализованного в культуре религиозного, магического, оккультного или мистического опыта и т.п. Во втором – помимо детского «инсайта», – происходят прорывы в созерцание трансцендентного мира в ситуациях внезапных озарений, сна, галлюцинаций, психических расстройств и т.п., т.е. в тех слу-

чаях, когда контекст медиации не подготавливается и не санкционируется культурой и, соответственно, не обеспечивается семантико-семиотическими кодами-отмычками, облегчающими интерпретацию полученного опыта;

– утверждения о том, что категории субстанции и причинности «без сомнения, являются формами, с которыми человек, с тех пор как он появился, входит в мир опыта...» [2, 237] и т.п. не имеют под собой никаких оснований.

Видимо, нет необходимости специально останавливаться на том, какое все это имеет отношение к проблеме трансцендирования и трансперсональности. Отмечу лишь еще раз, что ввиду ограниченности объема статьи, у меня не было возможности ни достаточно подробно развернуть ключевые тезисы, ни подкрепить их должной аргументацией и ссылками на многочисленные труды других авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бом Д. Квантовая теория. М., 1965.
2. Bavinck B. Ergebnisse und Probleme der Naturwissenschaften. Zürich. 9. Aufl. 1949.
3. Russel B. Hat der Mensch noch eine Zukunft? Stuttgart. 1962.

Примечания

1. Причиной схожести квантовых явлений с феноменами мышления Д. Бом, вслед за Н. Бором, считает наличие в мозге человека определенных узловых пунктов, контролирующих механизмы сознания, которые настолько чувствительны и тонко настроены, что их надо описывать квантово-механическим путем [1, 205–206].

2. Цит. по: *Pribram K. The Holographic Hypothesis of Brain Functioning // Grof S. (ed.). Ancient Wisdom. Modern Science. State University of New York Press, 1984. P 178–179.*

3. Здесь проще всего было бы сослаться на уже упоминавшуюся голографическую теорию Вселенной Боба – Прибрама, но она одна не снимает всех возникающих вопросов и, к тому же, в ряде моментов, которые традиционно принято относить к ведомству философии, она ограничивается приблизительными и метафорическими ответами.

4. См. напр. *Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1987; Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике: В 3 т. М., 1977. Т. 1.*

5. Так, умалчивает об этом, к примеру, пятитомная *Физическая энциклопедия. См.: Физическая энциклопедия: В 5 т. М., 1988–1998.*

6. В ряде экспериментов, доказывающих факт существования нелокальной связи можно отметить корреляционный опыт, проведенный Гизина в Женеве, в котором квантовые объекты, описываемые общей волновой ψ -функцией, были разделены расстоянием 10 км. Теоретические выводы из такого рода экспериментов см. в: *Менский М. Квантовая механика: новые эксперименты, новые приложения и новые формулировки старых вопросов // Успехи физических наук. 2000. Т. 170. № 6. С. 634.*

7. Впрочем, возможно, что эта эволюционная тенденция уже естественным образом выдохлась и готова вполне естественным образом сменить свой вектор.

8. Для квантовой физики давно стало общим местом, что «вакуум кишит неродившимися виртуальными частицами». *Мигдал Б.А. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 22.*

9. Цит. по: *Талбот М. Голографическая Вселенная. М., 2008. С. 112.*

10. Речь идет не об отрицании очевидных деструктивно-инволюционных и редукционных процессов, а об общем принципе необратимости эволюции.

11. Даже предварительный обзор этого материала потребовал бы написания отдельной книги.

12. Термин, первоначально применявшийся этнографами к мифологическому материалу аборигенов Австралии, но затем получивший более широкое употребление. В более поздних традициях Dream time отчасти преобразовался в «золотой век».

13. Фольклорно-мифологический пласт на тему «Dream time» у разных народов чрезвычайно богат и разнообразен. В качестве одного из многочисленных примеров укажу на эпос индейцев киче «Пополь-Вух» (Popol-Vuh) (Гватемала), где описание паранормальных способностей предков почти напрямую иллюстрируют ситуацию прямого и абсолютного знания, получаемого в результате погружения во фрактал. См.: Священные письма маяя: Антология / Вступ. ст., комм., пер. Кинжалова Р.В.; пер., комм. Кнорозова Ю. М., 2007; Диего де ланда. Сообщение о делах в Юкатане: Пер. Ю.В. Кнорозова. СПб., 2000. С. 114117.